

Человек — наука — техника

К XV Всемирному философскому конгрессу

Культура и мораль

Академик П. Н. ФЕДОСЕЕВ

Проблемы взаимосвязи культуры и нравственности воспринимаются современным общественным сознанием как весьма важные и злободневные. Они оживленно обсуждаются философами и социологами, естествоиспытателями и художниками. О них говорят общественные деятели и идеологи массовых движений — политических, национальных, молодежных, религиозных.

Чем объяснить столь большой интерес к вопросам, которые еще не так давно находились если не на периферии, то, во всяком случае, вдали от центральных тем теоретических дискуссий?

В конечном счете это определяется теми грандиозными историческими процессами XX столетия, которые коренным образом меняют облик человечества. В мире происходит глубочайшие революционные сдвиги в формах социального бытия людей. Социализм, победивший в СССР, а затем и в ряде других стран, стал образцом качественно новой социальной организации, в которой нашло свое осуществление извечное стремление людей труда к социальному равенству, к миру, счастью и прогрессу. Социалистические и национально-освободительные революции привлекают в историческое движение многомиллионные народные массы на всех континентах, пробуждая их к сознательному историческому творчеству. Эта гигантская ломка старых форм жизни, верований, привычек, стереотипов происходит на фоне и в тесной взаимосвязи с научно-технической революцией, которая, с одной стороны, неизмеримо увеличивает власть человека над природой, а с другой — именно в силу этого со всей серьезностью ставит вопрос о сохранении нашей планеты для будущих поколений, о защите окружающей среды, о недопущении выхода из-под контроля людей созданных ими же сил, которые могут угрожать самому существованию человечества.

Именно стремление осмыслить характер этих процессов, уловить то, что они несут человечеству в целом и отдельному человеку, определяет сегодня интерес к вопросам этики и культуры в их взаимосвязи.

Современная эпоха с особой наглядностью подтверждает мысль Маркса о том, что подлинная революция не может затрагивать лишь какую-то одну сторону жизни людей, но с необходимостью носит целостный, всесторонний характер. В ходе революционных изменений обнажаются связи и зависимости, далеко не всегда очевидные в периоды эволюционного развития общества. Они раскрывают перед теоретическим сознанием всю сложность и диалектическую многоплановость проблем, которые в обычных условиях представляются последнему чем-то само собой разумеющимся. Именно такой проблемой оказывается в наши дни проблема взаимоотношения культуры и нравственности, которая обнаруживает неадекватность своего решения, различный, порой диаметрально противоположный смысл в разных общественных условиях. Революционные преобразования в интересах социального равенства и сво-

бодного национального развития служат в наши дни основой все более органичной интеграции достижений культуры и высоких моральных принципов. Напротив, попытки сохранить и увековечить отжившие формы общественной жизни, основанные на эксплуатации и подавлении так называемых низших классов и наций, ведут к тому, что новейшие достижения науки и техники используются в антигуманных, безнравственных и преступных целях, во вред большинству человечества.

На фоне глубочайшего кризиса культуры и морали буржуазного общества с особой отчетливостью обнаруживаются внутреннее единство и взаимообусловленность культурного и нравственного прогресса при социализме, которые становятся исторической реальностью лишь на основе ликвидации системы частнособственнических отношений и классовых антагонизмов, лишь в процессе социалистического и коммунистического переустройства всех сфер общественной жизнедеятельности человека. Определяя задачи советской молодежи, В. И. Ленин связал воедино подъем образовательного, культурного уровня, воспитание коммунистической нравственности и сознательное отношение к труду на общее благо.

Отмечая эту органическую взаимосвязь культурного, нравственного и социально-политического развития при социализме, Л. И. Брежнев говорил: «За годы Советской власти неизмеримо обогатилась духовная жизнь народа, его культурный уровень и выросла его политическая сознательность. Весь ход нашей истории после Октября показал, какие высокие морально-политические качества воспитаны в советских людях, какие бессмертные подвиги способен совершать советский человек, свободный, сознательный труженик, патриот и интернационалист. В этом одно из самых бесценных завоеваний социализма»¹.

* * *

Противопоставление нравственности и культуры, столь распространенное в современной буржуазной философии, отражает реальную ситуацию, которая сложилась в системе государственно-монополистической капитализма с его технократически-бюрократической организационной экономики и общественной жизни. В этой ситуации отношение человека к миру и к другим людям, сам способ его включения в общественную связь существенно отличаются от классической модели культуры с ее установкой на практическую и духовную самостоятельность индивида, сознательно творящего историю.

В свое время мыслители Просвещения полагали, что социальная жизнь и развивающаяся в ее лоне культура не только не противоречат основным атрибутам человеческой личности — разуму, свободе и стремлению к счастью, но, напротив, являются необходимой предпосылкой их реализации: человек разумен, свободен и счастлив только в обществе, только приобщаясь к достижениям цивилизации. Поскольку мораль, по мнению просветителей, основана на природе человека, на его реальных интересах, постольку она не позволяет делать то, что противоречит внутренним потребностям индивида. С этой точки зрения не может быть речи о каком-либо неустрашимом противоречии между нравственностью и культурой.

Эта концепция взаимоотношения нравственности, культуры и личности была связана с определенным взглядом на человека, именно — как на существо, которое в своем социальном поведении самостоятельно выбирает цели и реализует их на основе рационального анализа действительности. Иначе говоря, в рамках просветительской концепции человек выступает как внутренне целостное, разумное существо. Просветительская концепция рассматривала этику как практическую науку, ставящую

¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Госполитиздат, 1972, стр. 56.

...тью обоснование определенных моральных представлений, которые требуют человеку решать возникающие в его жизни нравственные проблемы.

Ныне в буржуазной философии былая вера в могущество человеческого разума, способного рационально преобразовать условия общественной жизни, уступила место «трезвой» и достаточно пессимистической констатации бессилия человека перед лицом исторически сложившейся действительности, превращающей его в простой придаток сложной машины власти и управления, в «отчужденный» объект внешнего манипулирования, в функционально запрограммированный элемент бюрократической системы. Согласно такой концепции, современная цивилизация на ее установкой на научно-технический прогресс и якобы вытекающую из этого стандартизацию всей духовной жизни) до предела регламентирует поведение и сознание человека не только в сфере его общественных, обязательных отношений, но и в сфере его интимно-душевных, эмоциональных переживаний и настроений. Такая интерпретация превращает человека в нечто безликое, а общество — в «толпу», в «массу», в механическое объединение индивидов, которые так же мало отличаются друг от друга, как любые другие продукты стандартизованного производства, и которые довольствуются набором готовых идеологических стереотипов и штампов поведения и сознания. Массовое производство этих штампов и их распространение через каналы информации и связи составляют главную отличительную особенность нынешней цивилизации, ее, так сказать, культурную «миссию». Таким образом, культура современного общества (под которой подразумевается буржуазная культура), как она проявляется на «массовом» уровне, на поверхности индустриально развитой цивилизации, есть обезличенная, деперсонализированная культура, лишенная какой-либо претензии на уникальность и неповторимость создаваемых и потребляемых ею образцов духовной продукции. Такое понимание культуры оказывается радикальным отрицанием всей прогрессивной культуры прошлого, основным направлением которой было развитие человеческой индивидуальности.

Абстрактное противопоставление культуры и нравственности затуманивает их классовый характер, наличие в культуре и морали буржуазного общества двух культур, двух моральных воззрений, противоположных по своей классовой природе. Основу противоречий в идеологической надстройке буржуазного общества марксизм усматривает в антагонизме классовых интересов. Энгельс убедительно показал, что в капиталистическом обществе наряду с буржуазной моралью существует пролетарская мораль, которая представляет интересы будущего. Аналогичное положение существует и в области культуры. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»², — гласит основной ленинский вывод из анализа этого положения.

Конкретизируя этот вывод, Ленин отмечал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы и развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»³.

Обострение классового антагонизма в современном буржуазном обществе усилило этот раскол в области культуры и морали. Огульное осуждение современной культуры со стороны буржуазных идеологов прикрывает наличие и углубление этого раскола.

Наиболее ярко эта негативная концепция культуры и цивилизации выражена в работах Ж. Эллюля и Л. Мэмфорда.

Эллюль рисует картину современного общества, для которого характерна ужасающая нехватка человечности и которое оказывает разруши-

² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120

³ Там же, стр. 120—121.

тельное воздействие на человека. Он призывает людей осознать угрозу, «которую несет технический мир человеческой личности и духовной жизни»⁴.

Л. Мэмфорд создал впечатляющий образ «мегамашины» — предельно организованной и приведенной к единообразию социальной системы, в рамках которой само общество функционирует как машина, а люди низведены до положения винтиков. Современное, а в еще большей степени будущее «техническое общество» представляется Мэмфорду именно такой машиной.

Подобные оценки культурной ситуации, сложившейся в рамках современного буржуазного общества, фиксируют некоторые реальные последствия научно-технического прогресса в условиях капитализма. Но характерная для них попытка ограничивать исследование культуры лишь описанием данной ситуации, невозможность или неспособность выйти за ее пределы и взглянуть на нее с позиций более развитых и более совершенных форм общественной и культурной жизни приводят в конечном счете к весьма далеким от действительности выводам. Поэтому даже в тех случаях, когда философско-теоретическая мысль делает данную ситуацию объектом критики, она видит выход либо в идеализации исторически уже отживших культур прошлого, либо в поисках сугубо духовных, подчас мистических, находящихся за пределами реальной действительности путей спасения.

Для такого подхода характерно игнорирование либо негативное изображение народившихся и развивающихся новых форм общественной организации, основанных на социалистических началах. При этом критика противоречий цивилизации в буржуазном обществе механически переносится на социалистическое общество, сознательно или бессознательно смазывается коренное отличие во взаимоотношении человека и научно-технического прогресса при капитализме и при социализме. Упускается из вида совершенно новое качественное состояние общества, где наука не только становится непосредственной производительной силой, но и сознательно становится на службу человеку, используется для решения коренных социальных проблем в интересах всестороннего развития личности.

Игнорирование качественно различных социальных условий, в которых происходит развитие культуры, ведет к тому, что сложившаяся в современном буржуазном обществе культурно-историческая ситуация становится предметом морализирующей, отвлеченно-философской критики, апеллирующей к неким вечным человеческим ценностям и к некоему рационально непостижимому смыслу культуры, заключенному в глубинах человеческого духа. Решение вопроса мыслится не как радикальное преобразование существующей ситуации и устранение тех причин, которые ее порождают, а как некая операция с сознанием, освобождающая человека от власти утилитарно-технологических схем и господства над ним деперсонализованных сил. В конечном счете единственно приемлемым здесь выходом из создавшегося положения оказывается не движение вперед, к новым формам социальной организации, а отказ от научно-технического прогресса, от всего того, что связано с существованием и развитием науки. Основной мишенью для этой критики становятся именно наука, а не капиталистическая действительность с присущими ей противоречиями и антагонизмами. Линия «критики науки» и научно-теоретического сознания, ведущая свое начало от клерикальных и реакционно-романтических течений XVIII—XIX веков, легла в современной буржуазной философии в основу иррационалистических концепций культуры. Подобный антиинтеллектуализм сводит проблему культуры к песимистической критике цивилизации, которой приписываются все болезни капиталистического строя.

⁴ Y. Ellul. The Technological society. N. Y., 1965, p. XXX.

В конечном счете у некоторых буржуазных исследователей дело доходит до противопоставления культуры и цивилизации. При этом цивилизация понимается как механическое объединение людей, культура же трактуется как область органической общности, как интимно-духовные отношения людей друг к другу и к окружающему миру. Культура с этой точки зрения есть нечто неотчуждаемое от человека, изначально присущее ему, охватывающее мир его сокровенных переживаний и эмоций, его глубинных внутренних «смыслов». За противопоставлением цивилизации и культуры скрывается тем самым несовместимость человеческой сущности с социальной реальностью, конфликт между личностью и обществом.

Для современной буржуазной философии характерно утверждение, что человек является моральным существом, лишь «освобождая» себя от социальных связей, накладываемых на него обществом. Разрыв между социальной сферой бытия, где человек теряет свою собственную сущность, и личностной, где он только и может обрести ее, находит свое отражение прежде всего в теориях, разграничивающих и противопоставляющих два вида морали — «подлинную» мораль, которая позволяет личности сохранить свою человеческую сущность, и мораль как часть культуры, которая якобы неотвратимо обезличивает человека. Этот разрыв между социальной и личностной сферами человеческого бытия выражается также в теориях, утверждающих независимость морали от культуры.

Так, по мнению представителей интуитивистской этики (Дж. Э. Мур, Ч. Д. Брод, Э. С. Юинг, Б. Бленшард, Э. Холл), моральное убеждение есть исключительно личное, «интимное» достояние индивида. Нравственные ценности — это нечто абсолютное, самодовлеющее, существующее безотносительно к структуре внешнего мира, истории, к судьбе различных обществ.

Весьма противоречивым и непоследовательным оказывается решение проблемы нравственности и культуры в философии логического позитивизма и лингвистического анализа (Ч. Стивенсон, А. Айер, Р. М. Хеар, П. Г. Ноуэлл-Смит и др.). С одной стороны, ее сторонники признают, что нравственные убеждения людей социально и культурно обусловлены и выполняют в обществе определенные функции. С другой стороны, нравственные убеждения каждого отдельного индивида, по их мнению, совершенно произвольны: индивид полностью свободен в выборе моральной позиции. Здесь заключена тенденция к разграничению двух видов морали (морали как части культуры, как социального явления и нравственности как личного дела индивида), разграничению, которое непосредственно зафиксировано в работах таких исследователей, как Г. Л. Харт, Ч. Г. Уайтли, Э. Эйдел.

Эта идея становится центральной в иррационалистической этике экзистенциализма. Экзистенциализм исходит из того, что «подлинная» нравственность предполагает отрицание индивидом санкционированных обществом моральных ценностей, означает следование лишь собственному, личному замыслу. Нравственность с точки зрения экзистенциализма — это самовыражение абсолютно свободной индивидуальности, особой «бытийной» сущности человека, свободной от социально-исторической обусловленности. Напротив, социальная детерминация человеческой деятельности — это лишь «внешнее» в бытии человека, здесь личность выступает как «вещь», как объект манипуляций, утрачивая свою свободу и индивидуальность. «Подлинная» нравственность, согласно философии экзистенциализма, осуществляется «по ту сторону культуры», вне тех связей и отношений, которые культура налагает на человека. Такой подход открывает возможный двойко́го понимания соотношения нравственности и культуры. С одной стороны, нравственность истолковывается как нечто совершенно релятивистское, полностью независимое от со-

циальной культуры, по принципу «у каждого человека своя мораль» (Сартр). С другой стороны, считается, что нравственность покоится на некоторых самоочевидных, изначально присущих человеку ценностях, или постулатах, которые не имеют никакого отношения к социальной культуре (К. Ясперс).

Тем самым подлинный механизм человеческой деятельности в обществе, той деятельности, на основе которой вырастает культура, оказывается за пределами экзистенциалистской этики. «Подлинная» этика экзистенциалистов не дает человеку социальных, практических ориентиров, с помощью которых он мог бы осознанно совершить выбор моральных действий, оценок и нормативов или хотя бы разграничить добро и зло. Экзистенциалисты не противопоставляют никакой конкретной морали той морали, которая составляет часть культуры буржуазного общества.

Это абстрактное противопоставление социально детерминированной культуры некоей «подлинно человеческой», внесоциальной духовности характерно и для тех рецептов переустройства общества, которые содержатся в концепциях Эрика Фромма и Чарльза Рейча, предлагающих «гуманизировать» современное «техническое», или «индустриальное», общество с помощью внеклассовой морали и «нового сознания».

Справедливо критикуя тенденцию этого общества, направленную на превращение человека в бездумного и бесчувственного робота, Фромм сводит все дело к распространению идей активности, ответственности, идей «гуманизации технического общества». Он категорически отвергает необходимость и целесообразность революционных методов борьбы. Подобно этому, и Рейч уверяет, что «единственно эффективной является тактика, воздействующая на людей на уровне сознания»⁵. По его мнению, в современной истории экономика перестала играть роль преобладающего фактора, и превалирующими становятся нематериальные интересы⁶. Более того, рост производительных сил, утверждает Рейч, фатально ведет не к прогрессу культуры и морали, а к их разрушению.

Но при этом игнорируется, что культурный и моральный облик общества зависит не только от развития производительных сил, но и от того, обладает ли им народ, чтобы сознательно управлять ими. В противном случае, как отмечал Маркс, культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню⁷.

Расцвет духовной жизни, культуры, утверждение высших моральных принципов марксизм связывает не только с высоким уровнем развития производительных сил, но и с определенной социальной формой организации общества, а именно — социализмом и коммунизмом.

На Западе имеются и такие концепции, которые рассматривают мораль как часть культуры, улавливают связь этики с жизнью общества и в известной мере ориентируются на изучение общественно-исторической реальности. Однако в целом можно сказать, что в них преобладают релятивистские интерпретации нравственности и культуры.

Наиболее типичной в этом отношении является следующая схема. На необозримом поле истории или современной социальной реальности сосуществуют различные локальные общности. Под общностью в одинаковой мере подразумевается и общество как социальная система, и бытие отдельной ограниченной группы, и локальное этническое сообщество и т. п. Каждая из этих общностей имеет свою замкнутую ориентированную на себя культуру. Под культурой понимается определенная система верований, общепринятого поведения, эталоны и образцы этого

⁵ См Ch Reich The Greening of America N Y. 1970, p. 319.

⁶ См там же, стр 309

⁷ См К. Маркс и Ф Энгельс Соч, т 32, стр 45.

поведения, сюда включается и нравственность, а также определенные общественные институты.

Основная мысль представителей этой концепции состоит в следующем: для того, чтобы понять и объяснить строй культуры (в частности, входящую в нее систему нравственных представлений) той или иной локальной общности, нет возможности и необходимости рассуждать с точки зрения какой-то общецентрической перспективы. Эти общности если и связаны между собой, то лишь случайно. Чтобы понять данную локальную культуру, достаточно исследовать ее независимо от каких-либо исторических предпосылок. Исследователь такой локальной, чуждой ему культуры не должен исходить из представлений о закономерностях развития истории, об общем ходе цивилизации, о прошлом человечества и т. д., которые могут лишь помешать пониманию той или иной локальной культуры. Он должен чисто эмпирически описать то, что видит. Нравственность, культура данной локальной общности могут быть объяснены из того, как эта нравственность, культура служат локальным, групповым целям. С этой точки зрения нет смысла делать сравнительную оценку того, какая нравственность лучше, какая нравственность является более развитой, более прогрессивной и т. д.

Для нас такая позиция принципиально неприемлема. Марксизму чуждо релятивистское истолкование культуры, ибо он в соответствии с принципами историзма и монизма предполагает при всем историческом многообразии культур наличие в них общей основы, их преемственность и общее направление развития. Для марксизма культура — это не замкнутая система специфических ценностей, это — развивающаяся совокупность материальных и духовных достижений человечества, в рамках которых реализуется в каждую эпоху определенный способ общественно-практической деятельности человека. Таким образом, нравственность есть не нечто отличное от культуры, а ее неотъемлемая составная часть.

В рамках современного буржуазного сознания мы видим, таким образом, противоречивое стремление трактовать культуру либо прагматически, как чисто инструментальное средство приспособления человека к наличной действительности, как жестко регламентированную и рационально упорядоченную область его действий и поступков, либо, наоборот, как область его «экзистенциальной свободы», независимую от общественных отношений, от всякой внешней регламентации. В этом постоянном колебании буржуазной мысли между крайностями сциентистского и иррационального мышления и состоит, собственно, основное противоречие современного буржуазного культуроведения. За противоречивыми и взаимоисключающими концепциями культуры скрывается действительная «отчужденность» человека в капиталистическом обществе, очевидное несоответствие между объективными, социально детерминированными условиями его бытия и его существованием в качестве субъекта истории, в качестве активной и самосознающей личности. Отсюда следует, что действительное разрешение проблемы культуры, а вместе с тем и теоретически верное понимание сложившейся в настоящее время культурной ситуации предполагают выход не только за пределы буржуазного сознания, но и за пределы той ограниченной культурно-исторической практики, к которой постоянно апеллирует буржуазная мысль.

Такой выход некоторые теоретики и идеологи связывают с попытками практического осуществления христианского гуманизма, христианской этики. Христианские теологи исходят из того, что душу культуры составляет нравственность, а основу нравственности — принципы христианской веры.

Христианская этика, особенно в том ее виде, как она изложена в трудах представителей неопротестантизма (К. Барт, Р. Нибур, П. Тиллих, Р. Бульман и другие), подвергает критике капиталистические условия человеческого существования и буржуазную мораль. Но ее центральные

идеи — положения об абсолютной свободе моральной воли бога, о невозможности истинной морали в обществе и неистинности всякой человеческой морали — ведут к выводу о невозможности и ненужности преобразования социальной действительности, социального прогресса. В неопротестантской этике, как и в экзистенциалистской, полностью сохраняется противопоставление сферы «подлинных» нравственных ценностей культуре. В результате чего последняя объявляется лишенной каких-либо нравственных достоинств, в сущности, аморальной. Хотя сторонникам неопротестантской этики удастся дать достаточно глубокую критику аморализма буржуазной культуры, значение этой критики сводится на нет огульным осуждением любой программы социальной переустройства, полным отрицанием идеи революционных преобразований.

Родственные неопротестантизму взгляды на соотношение этики и культуры разрабатывал Альберт Швейцер, один из видных гуманистов нашего столетия. В своем главном труде «Философия культуры» он дал глубокую критику буржуазной культуры, отметив такие черты ее упадка, как поляризация на массовую и элитарную культуры, постепенное усиление и фактическая легализация аморализма, оправдание антигуманных целей и средств. Современные достижения военной техники, атомное и водородное оружие представляют, согласно Швейцеру, наиболее характерное проявление кризиса буржуазной цивилизации. Швейцер подчеркивает необходимость возвращения культуре ее нравственного содержания, ибо нравственность — высший критерий культуры. Нравственность — это условие бытия культуры, ее прогресса, культура без нравственности — всего лишь механический остов или то, что называют цивилизацией. Священна всякая жизнь, провозглашает Швейцер, нужно благоговеть перед всякой жизнью, независимо от того, идет ли речь о жизни человека или животного. Человек ответствен за природу, человек ответствен за другого человека, все люди, человечество ответственны за мир.

Нельзя не оценить глубины критики Швейцером буржуазной цивилизации, гуманистического пафоса его воззрений, его тревоги за судьбы человечества и всей нашей планеты, стремления предотвратить опасность гибели человечества в смерче термоядерной войны. Но нельзя не видеть, что этика Швейцера страдает тем же пороком, что и этика христианства в целом, — абстрактностью, неспособностью указать реальные силы в обществе, которые в состоянии действительно преодолеть аморализм буржуазной культуры не только в теории, но и на практике. Эффективные, научно обоснованные пути действительного преодоления разрыва нравственности и культуры были указаны марксизмом. Они нашли свое реальное воплощение в социалистическом обществе, которое представляет собой в этом смысле качественный скачок в решении проблемы соединения морали и культуры.

* * *

Принципиальная особенность марксистского подхода к вопросу о взаимосвязи культуры и нравственности заключается прежде всего в том, что эта взаимосвязь рассматривается не абстрактно, а в конкретно-исторических условиях. В истории общественной мысли марксизм выступил с наиболее последовательной, подлинно научной критикой буржуазной цивилизации. Он в равной мере преодолевает ограниченность как «некритического позитивизма» буржуазной социально-философской мысли с ее фетишизацией капиталистической системы отношений и буржуазной культуры, так и «морализирующей», ненаучной критики этих отношений, апеллирующей к «требованиям и интересам» абстрактного, внеисторического субъекта. Сущность марксистской научно-исторической критики буржуазной цивилизации заключается в понимании последней, с одной стороны, как необходимого и закономерного этапа в становле-

нии и развитии общечеловеческой культуры, а с другой — как исторически ограниченного и преходящего этапа этого развития. Марксизм противопоставил с этой точки зрения как попыткам отождествления буржуазной цивилизации со всей человеческой культурой в целом, избрания ее в качестве единственно возможной формы существования мировой культуры, так и стремлению релятивистски истолковать развитие культуры как простую совокупность внутренне замкнутых, локальных и лишенных преемственности культурно-исторических образований.

Рассматривая капитализм как исторически необходимый этап в развитии общества, классики марксизма вместе с тем указывали и на то, что всеобщее содержание культуры получает при капитализме противоречивое, отчужденное, искажающее суть дела выражение, когда культура превращается в орудие господства меньшинства над большинством. Иными словами, они смогли отделить то подлинно ценное, что вносится капитализмом в развитие культуры, от социально ограниченной формы, в которой эти ценности создаются и функционируют в системе буржуазного общества. Хорошо известна марксистская оценка исторического значения буржуазии в развитии материального и духовного производства, в развитии человеческой культуры. К. Маркс писал о «великом цивилизаторском влиянии капитала», который «преодолеывает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни»⁸. Характеризуя роль буржуазной цивилизации в развитии материальных условий жизни общества, Ленин говорил: «Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее...»⁹.

Однако это стремление капитала к универсализации производительных сил и культуры во всемирном масштабе, к преодолению на пути их развития всех и всяческих преград проявляется в условиях капитализма лишь в виде тенденции, реализация которой наталкивается на неодолимые препятствия, порожденные самой же природой капитала. Капитализм отчуждает труд и культуру, превращая их в универсальные средства физического и духовного закабаления человека. «Так как капитал является противоположностью рабочего, то успехи цивилизации лишь увеличивают объективную власть капитала над трудом»¹⁰.

Отсюда и возникает та парадоксальная ситуация, при которой развитие культуры при капитализме, развитие общественных и производительных (материальных и духовных) сил человека осуществляется в форме, противоречащей самой сущности культуры, обнаруживает себя как процесс становления чуждых и враждебных человеку сил — сил угнетения и разрушения человеческой личности. Развитие культуры приобретает здесь в значительной мере антигуманистический характер, что, собственно, и обостряет саму проблему культуры и морали.

Маркс более века назад очень точно проанализировал это противоречие. «Победы техники, — говорил он, — как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»¹¹.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. 1, стр. 387.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 44.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. 1, стр. 261.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 4.

Капитализм, развивая науку, технику, образование и даже искусство в социально отчужденной форме, придает этому развитию характер негативного отрицания и подавления в человеке качеств самодостойного, нравственно ответственного и духовно богатого существа, способного в акте свободного исторического творчества определять не только средства, но и цели своей деятельности. Иными словами, капитализм не признает за человеком значения и роли целополагающего субъекта истории, делает невозможным фактический контроль человека за последствиями им же самим созданных продуктов цивилизации. Как моральное существо человек оказывается выключенным из процесса реального исторического творчества. Капитализм разрывает науку и мораль, противопоставляя их в качестве несовместимых и далеко разошедшихся фрагментов культуры. Подобная несовместимость «научной» и «моральной» точек зрения, антиномичность ценностного и объектного подходов к окружающему человека миру выражают социальную разорванность, расщепленность человеческой культуры и самого буржуазного общества.

Решение этого вопроса марксизм усматривает совсем не в том, чтобы пожертвовать одной из этих точек зрения ради другой. Выход он видит в революционно-практическом устранении самой ситуации, порождающей такое противопоставление, в воссоздании на путях социального переустройства общества подлинной целостности культуры. В этой философско-исторической концепции главный упор делается на решении коренных социальных проблем и прежде всего на уничтожении всех форм социального и национального неравенства и угнетения, на подчинении производительных сил общественному контролю, на устранении войн и причин агрессии.

Реализация этих высоких целей может быть в полной мере обеспечена коммунистической организацией общества, первой стадией которой является социализм. Уже при социализме утверждается сотрудничество и взаимопомощь всех социальных групп и всех наций, исключается какая-либо дискриминация в их взаимоотношениях.

С победой социалистической революции завершается тягостная и мучительная для трудящихся предыстория общества и открывается подлинная история человечества. Если в прошлом громадная масса человеческих сил и материальных средств поглощалась паразитическим потреблением эксплуататорских классов, растрачивалась в столкновениях между государствами и в борьбе между враждебными классами, которая и была главной движущей силой истории, то с победой социализма все источники общественного развития могут быть использованы человечеством для покорения природы, для овладения ее богатствами в интересах непрерывного повышения материального благосостояния и культуры масс.

Это — всемирно-историческое изменение самой формы социального и культурного прогресса общества. Характеризуя поступательное развитие общества в условиях частнособственных отношений, Маркс писал: «С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов»¹².

С социализма начинается качественно новая форма исторического развития при активном и сознательном участии в социальном творчестве широчайших масс населения, объединенных общностью коренных интересов и единством конечной цели.

Рост классового самосознания и революционная борьба трудящихся

¹² К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 96.

по главе с рабочим классом за социализм являются, как показал Маркс, решающим условием освобождения человека от такого положения, когда общее развитие человечества происходит за счет эксплуатации, физической и духовной деградации огромного числа других людей. «...Развитие способностей рода «человек», — писал Маркс, — хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадает с развитием каждого отдельного индивида»¹³.

В свое время Маркс и Энгельс, характеризуя будущее, коммунистическое общество, определили его как ассоциацию, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Достижение этой цели предполагает заботу о создании условий не только для экономического и научно-технического прогресса, но и для прогресса нравственного.

Коммунизм, согласно учению марксизма, есть такое общественное состояние, в котором все завоевания науки и техники оказываются подчиненными благу человека и в котором культурно-историческая практика определяется целями, имеющими одновременно научное и нравственное обоснование. Иными словами, при коммунизме практически преодолеваются разорванность, расщепленность, отчужденность культуры, выявляется ее подлинная человеческая ценность. Именно при коммунизме становится очевидным, что культура — это не просто производство «вещей» с чисто утилитарными целями и не просто производство «сознания» в его абстрактных формах. Культура — это прежде всего всестороннее развитие самого человека во всем богатстве его общественных связей с миром и другими людьми, во всей целостности и универсальности его деятельного существования.

Вывод марксизма об органическом единстве нравственности и культуры при коммунизме опирается на понимание культуры и нравственности как исторически сложившихся, социально обусловленных форм человеческой деятельности. Такой подход позволяет преодолевать, с одной стороны, абстрактность и «абсолютизм» в толковании культуры и этики, характерные для христианской философии, а также релятивизм, отрицающий возможность объективных критериев для сравнения и оценки культурно-нравственных систем, — с другой. Конкретно-исторический взгляд на культуру и нравственность дает возможность марксизму, во-первых, научно решить вопрос о соотношении относительного и общезначимого в культуре и нравственности, во-вторых, установить объективные критерии их прогресса, в-третьих, всесторонне раскрыть сущность взаимосвязи, взаимопроникновения культуры и этики.

Марксизму нередко приписывается релятивистское понимание моральных и культурных ценностей на том основании, что он провозгласил принцип классового подхода к оценке их содержания. По мнению критиков марксизма, из классовой интерпретации непременно следует, что мораль любого социального субъекта есть лишь нечто относительное. Поскольку марксизм, заявляют они, связывает мораль с классовыми и партийными интересами, он якобы отрицает существование объективного критерия для сравнения различных нравственных позиций в современном мире.

Действительно, марксизм, признавая и исследуя социальную, классовую определенность нравственных и культурных ценностей, выдвинул принцип их исторического объяснения. Однако было бы в высшей степени ошибочным видеть в таком подходе разновидность релятивизма и субъективизма в истолковании нравственности и культуры. Марксисты решают вопрос о природе культурных и нравственных ценностей с позиций материалистической диалектики. Они исходят из того, что мировоззрение любого восходящего класса, будучи в известных пределах и в

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 26, ч. II, стр. 123.

известном смысле целостной, завершенной системой, отличающейся от других мировоззренческих систем, имеет два аспекта. Во-первых, оно имеет специфическое содержание, которое обусловлено особым положением данного класса и выражает его особые интересы. Во-вторых, в каждой части его мировоззрения, его идеологии отражаются или развиваются основные правила человеческого общежития, составляющие своего рода ядро общечеловеческой культуры и морали, общечеловеческих ценностей. В этом проявляются относительная самостоятельность и историческая преемственность в развитии морали.

В любой культуре и морали мы видим как определяющее их классовое содержание, так и отражение — в разной степени — моменты общенационального, общенародного. Когда марксисты выступают в защиту классового подхода к вопросам этики и культуры, когда они говорят о превосходстве коммунистической культуры и нравственности над любой другой, они имеют в виду прежде всего то, что в ценностной системе рабочего класса с наибольшей полнотой и адекватностью воплощены высшие гуманистические идеалы человечества, что мораль и культура этого класса наследуют, продолжают и развивают дальше все лучшее, что имеется в общекультурном и нравственном фонде человечества.

Полезно напомнить один исторический факт, имеющий отношение к нашей теме. В 1893 году в Берлине было основано «Немецкое общество этической культуры», поставившее целью содействовать достижению такого состояния, при котором справедливость и правда, человечность и взаимное уважение стали бы господствующими. Эта цель расшифровывалась основателями общества как стремление «этизировать» политическую и экономическую борьбу между классами. Показывая теоретическую несостоятельность программного заявления этого общества, Фриц Меринг отмечал, что в моральных воззрениях общества отражается в конечном счете развитие экономической борьбы классов, что каждый класс имеет свою особую мораль и поэтому нет и не может быть никакой высшей этики, примиряющей противоположности этических воззрений различных классов.

Критики марксизма увидели в этом заявлении Меринга подтверждение этического релятивизма, якобы присущего марксизму. В действительности, пояснил своим оппонентам Меринг, он высказал ту простую мысль, что поскольку каждый класс имеет свою мораль, он ведет классовую борьбу соответственно требованиям собственной морали и что угнетенные классы не могут руководствоваться моральными прописями угнетающих классов. В этом смысле нет и не может быть никакой «высшей» морали, парящей над социальными противоречиями, которая могла бы служить средством примирения борющихся классов и навязываться в качестве нравственных требований, предъявляемых человечеству в целом. Наставая на конкретно-историческом подходе к морали, марксист считает, что не существует единых, пригодных для всех времен и условий моральных рецептов или моральных формул, дающих ключ к решению всех возникающих в жизни социально-политических и духовных проблем.

Среди многочисленных теорий, выдвигаемых в противовес марксизму, довольно широкое распространение получила система представлений, известная под названием «этический социализм». Эта система взглядов была одной из форм проявления оппортунизма в рабочем движении. Еще Эдуард Бернштейн противопоставлял социализм как этический постулат объективной исторической необходимости, вытекающей из закономерностей развития капитализма. Идея этического социализма, высказанные представителями марбургской школы неокантовцев, развились и Максом Адлером, который был одним из представителей неокантанства в социал-демократическом движении. Проповедники «этического социализма»

«лизма» фактически отрицали социализм как реальный общественный строй, превращая его в абстрактное этическое пожелание, в недостижимую мечту. Требование революционного изменения общества они заменили общими декларациями о вечных этических ценностях и о моральном самосовершенствовании человека.

В настоящее время концепции «этического социализма» используются противниками марксизма для отрицания непримиримой противоположности интересов рабочего класса, с одной стороны, и господствующего монополистического капитала — с другой. В соответствии с этим нынешние сторонники «этического социализма» пропагандируют идеи «социальной педагогики», призванной, согласно их утверждениям, гармонизировать жизнь современного общества на основе якобы общих социалистических идеалов, присущих в одинаковой мере представителям всех классов. Они пытаются подменить социальную революцию нравственной эволюцией всего человечества на пути к социализму. При такой постановке вопроса социализм рассматривается лишь как нравственный идеал, весьма привлекательный, но практически недостижимый.

Конечно, в нынешней интерпретации основы «этического социализма» подвергаются некоторым изменениям. При обосновании этой концепции на первый план вместо неокантианства все чаще выступают философские построения антропологического типа, а также попытки спекулятивного толкования положений из ранних работ молодого Маркса. Однако социальный смысл «этического социализма» остался прежним: он искажает положения научного социализма и помогает отвлекать народные массы от реальной борьбы за свержение власти монополистического капитала.

Характерно, что призывы «этизировать» или «гуманизировать» классовую борьбу обращались всегда к угнетенным классам, хотя наиболее жестокие, наиболее кровавые формы борьбы применялись и навязывались массам именно эксплуататорскими классами.

Лишь после завоевания политической власти рабочий класс получает возможность оказывать определяющее влияние на характер и формы классовой борьбы. Однако свергнутые эксплуататорские классы не останавливаются перед самыми варварскими приемами борьбы. В России после Октябрьской революции они сообща с иностранными интервентами развязали длительную кровопролитную войну, унесшую миллионы человеческих жизней. Драматические годы второй мировой войны и послевоенной истории полны примеров подобного рода кровавых расправ реакционных сил над сторонниками прогресса и свободы.

Отвергая идеалистические концепции «этического социализма», марксизм, разумеется, полностью признает огромное значение нравственных моментов антиимпериалистической борьбы, которые воодушевляют миллионы людей, борющихся за торжество и воплощение в жизнь идей научного социализма. Ленин говорил о «моральном перевесе» революционных классов, об их «моральной силе», о «морально-политическом авторитете» рабочего класса как о важных факторах освободительной борьбы. Это подтверждается всей практикой развития мирового освободительного революционного движения, всей разносторонней теоретической и практической деятельностью борцов за социальный прогресс. Вместе с тем марксисты всегда помнят, что идеалы лишь тогда имеют реальное значение, когда они выражают действительные интересы класса, условия жизни которого заставляют действовать его в определенном направлении.

* * *

Марксисты исходят из того, что новая, в определенном смысле общечеловеческая мораль вырастает из потребностей нового, социалистического общества, в котором исчезли социальные антагонизмы и постепенно стираются иные социальные различия. Эта мораль является общечеловеческой и в том смысле, что она складывается в обществе, ко-

торое не раздражается классовыми противоречиями и в котором коренные интересы всех его членов совпадают. Именно это единство интересов всех членов общества является реальной основой возникновения и укрепления новой, коммунистической морали.

Элементы этой новой морали наиболее полно представлены в морали рабочего класса, ибо условия, в которых он живет, работает, борется, вынуждают его к теснейшему объединению, к отождествлению личных интересов отдельного рабочего с интересами товарищей по классу, а интересов своего класса — с коренными интересами всех трудящихся. Рабочий класс осознает себя авангардной силой борьбы всего эксплуатируемого человечества, ибо его собственное освобождение как класса возможно только при условии уничтожения эксплуататорской системы в целом. Цели борьбы рабочего класса — это высшие социальные цели, высшие идеалы всего трудового народа, они придают его борьбе высокое моральное звучание, делают его нравственность более высокой по сравнению со всеми другими нравственными позициями, исторически возникшими в ходе развития человечества.

Нередко ставится вопрос: правомерно ли вообще утверждать, что какой-то класс обладает монопольным правом на развитие высших моральных и культурных достижений человечества? И в чем вообще критерий того, какие системы человеческих ценностей являются высшими и общечеловеческими?

Для марксистской философии положение о существовании общечеловеческих ценностей — моральных и культурных — является одним из фундаментальных. Вне определенных форм и способов общения людей не может осуществляться процесс труда, а следовательно, нет и общества вообще. Труд есть то главное, что выделило человека из животного царства, создало специфически человеческие, социальные формы объединения людей. Объективная логика производства и объективные условия социальной жизни породили в известном смысле простейшие, элементарные, но одновременно и наиболее важные нормы человечности, нормы морали.

Именно эти элементарные, веками известные, тысячелетия повторявшиеся во всех прописях правила общежития выступали, по мысли Ленина, одним из важнейших элементов социальной связи тогда, когда государства еще не было, когда само общество, дисциплина, распорядок труда держались силой привычки, традиций, без особого аппарата принуждения.

Мораль есть результат исторического развития общества, она относится к области общественной жизни человека. Поэтому мы оставляем за пределами рассмотрения стадные инстинкты животных, которые выдаются некоторыми учеными за зачатки нравственности.

Нравственность — это сфера именно человеческих взаимоотношений, это такие нормы, требования и принципы, которые исторически вырабатывались обществом и отличают человека от животных, поднимают его над животным миром. В этом и состоит с точки зрения марксизма главное, основное, общечеловеческое в содержании нравственности: выработка таких норм, принципов и ценностей во взаимоотношениях между людьми, которые все полнее и глубже выражают его специфически человеческую сущность как творческого, активного, деятельного существа. В этом утверждении содержится и ответ на вопрос об объективном критерии нравственности и культуры: при прочих равных условиях высшими культурными и нравственными ценностями являются те, которые в наибольшей степени содействуют развитию общества и всестороннему развитию личности.

Но эти нравственные нормы, которые иногда называют «простыми законами нравственности и справедливости», имеют различное содержание в зависимости от уровня исторического развития общества и от со-

личной среды, в которой они порождены. «Этика» взаимоотношений рабовладельца и раба отличается от «этики» взаимоотношений феодала и крепостного, капиталиста и рабочего, хотя в них присутствуют в качестве подчиненного элемента также и упомянутые «простые законы». Она действительно общечеловеческое, что заключено в «простых нормах нравственности и справедливости», наиболее полно и последовательно выразилось в революционной практике трудящихся, в их критическом отношении к господствующему эксплуататорскому строю, в требованиях установить социальную справедливость, обеспечить права и свободу личности. В общем и целом с развитием общества совершался прогресс и в области морали.

Рабочий класс — это первый в истории класс, который в силу своего объективного положения заинтересован в уничтожении всех форм эксплуатации человека человеком. Его собственное освобождение предполагает освобождение всего общества, его классовые интересы совпадают с коренными интересами всех трудящихся.

Разумеется, классовое сознание рабочих — это не приращенное качество, оно вырабатывается и укрепляется в борьбе с эксплуататорскими классами. Поэтому несостоятельны заявления Г. Маркузе и подобных ему социологов об утрате рабочим классом развитых капиталистических стран революционного потенциала, об его интегрированности в капиталистическую систему. В разных странах классовая борьба рабочих развивается неравномерно, но нарастание ее неизбежно и в тех странах, где она еще не получила широкого революционного размаха. Лишь с окончательной победой рабочего класса исчезнет и классовая борьба, ибо общество станет однородным в социальном отношении.

Таким образом, мы видим, что классовое начало не вечно. Рабочий класс борется не за то, чтобы встать на место прежних эксплуататорских классов и подчинить себе другие слои населения, а за то, чтобы уничтожить всякое социальное неравенство, всякое деление общества на классы. Это единственный класс, который в состоянии покончить с расколом общества на антагонистические классы, с эксплуатацией, с войнами и т. д. Но именно потому, что на пролетариат ложится историческая задача привести человечество к бесклассовому обществу, его идеология и мировоззрение, его мораль и культура оказываются наиболее адекватным выражением общечеловеческих ценностей. В этом смысле марксисты говорят о том, что критерием нравственности являются интересы рабочего класса. Эта нравственность служит разрушению эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг рабочего класса, создающего новое общество.

Иначе говоря, речь идет о диалектике исторического процесса, согласно которой путь к осуществлению лучших нравственных идеалов человечества лежит через утверждение морали передового класса, воплощающего и реализующего их в ходе своей освободительной борьбы. В обобщенной форме Ленин выразил марксистский критерий в следующем положении: «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»¹⁴.

В связи с этим следует также напомнить слова Ленина о том, что интересы рабочего класса выше интересов отдельного слоя рабочих, а интересы общественного развития в целом выше интересов рабочего класса¹⁵. Не увлекочить рабочий класс, а помочь ему выполнить его историческую миссию создания бесклассового общества — в этом смысл классового подхода, отстаиваемого марксистами, в этом смысл классовых критериев нравственности и культуры.

Марксизм отнюдь не отрицает, а, напротив, подчеркивает значение общечеловеческих критериев морали в отношениях между людьми, на-

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 220.

циями, государствами; он отвергает лишь такое обращение к ней, когда смазывается ее классовый характер, когда апеллируют к общечеловеческой морали как к чудодейственному средству решения всех социальных проблем.

Отвергая классовую мораль эксплуататоров, коммунисты противопоставляют извращенным эгоистическим взглядам и нравам старого мира коммунистическую мораль — самую справедливую и благородную мораль, выражающую интересы и идеалы всего трудящегося человечества. Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными принципами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками. В ходе строительства социализма и коммунизма мораль обогащается новыми принципами, новым содержанием. Таковы программные установки КПСС в отношении нравственного развития человека.

Для марксизма характерен революционно действенный подход к проблемам общественного развития, в том числе и к проблемам нравственного прогресса. Задача, которую ставят перед собой марксисты, заключается не просто в том, чтобы провозгласить моральные принципы, но прежде всего в том, чтобы претворить их в действительность, создать для этого необходимые условия. Суть дела Маркс выразил известным требованием:

«...Добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»¹⁶.

Возьмем, например, такой вопрос, как борьба за сохранение мира, за избавление от войн и насилия во взаимоотношениях между народами. Бесспорно, что требование сохранения мира между народами имеет общечеловеческое значение, оно поддерживается людьми различного социального положения и политических воззрений. Но марксисты не ограничиваются указанием на реальное общечеловеческое значение борьбы за мир. Активно поддерживая эту борьбу, они подчеркивают, что существуют силы в буржуазном обществе, которые объективно являются источником войн, что достижение мира неотделимо от борьбы против этих сил, что полное и окончательное утверждение мира на земле предполагает уничтожение классовых источников войн. Без выяснения этих аспектов протест против войны принимает абстрактный, морализующий характер, не затрагивает действительных источников насилия в современном мире.

Равным образом проповедь равенства, братства, свободы не может иметь успеха без устранения социальных антагонизмов внутри общества. Историческое назначение социализма как определенной стадии общественного развития в том и состоит, чтобы избавить общество от социальных конфликтов и обеспечить свободное сотрудничество и фактическое равенство людей во всех областях общественной жизни.

Это не значит, что марксизм считает бесполезной проповедь справедливых моральных принципов, когда еще нет реальных условий для их осуществления. Напротив, чем активнее будет эта проповедь, тем более широким и эффективным станет движение за создание таких условий. К этому следует добавить, что и там, где общественная среда благоприятствует утверждению гуманных принципов, вовсе не снижается роль идеологического воздействия, которое оказывают все формы прогрессивной духовной культуры на общество, не снижаются значение

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 11.

сознательного и целенаправленного воспитания масс в духе прогрессивных нравственных идеалов.

Социализм ведет к утверждению морали коммунистической как общечеловеческой морали. Но это не происходит автоматически, без противоречий и трудностей. Укоренившиеся веками собственнические, индивидуалистические нравы и привычки долгое время сохраняются в сознании и поведении людей. Революция, как говорил Маркс, нужна рабочему классу не только потому, что иным способом он не может избавиться от гнета эксплуатации, но также и потому, что только в ходе революционных преобразований он может очиститься от всей грязи старого общества и добиться победы коммунистического сознания. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев говорил: «Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого. Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, туеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества»¹⁷.

Развитие реального социализма подтверждает ту истину, что с изменением общественного бытия изменяется сознание людей, в том числе их нравственные воззрения. Но это происходит тем быстрее и успешнее, чем лучше ведется работа по моральному воспитанию масс.

В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми. Партия поддерживает и поощряет все формы сознательной самодисциплины граждан, ведущие к закреплению и развитию основных правил коммунистического общества.

Принципы морального кодекса в социалистическом обществе являются вместе с тем нравственными принципами образования, литературы и искусства, всех видов информации. Эти моральные принципы определяют отношение людей к труду и материальной культуре как к общественному достоянию. Так происходит органическое взаимопроникновение культуры и морали.

Более чем полувековой опыт развития социализма, с одной стороны, кризис культуры современного буржуазного общества — с другой, убедительно доказывают истинность марксистского понимания культуры и нравственности как социально-исторически обусловленных явлений, необходимость перехода к новому, более высокому типу социально-экономической организации общества и к новому историческому типу культуры. Именно в процессе становления этого нового исторического типа культуры — культуры социалистической — обнаруживается та внутренняя органическая связь между культурой и нравственностью, при которой на основе нравственного прогресса человечества становится возможным судить и о прогрессе самой культуры. Нравственный прогресс становится одним из важнейших показателей всестороннего развития личности, которое, в свою очередь, является главным критерием культурного прогресса. Поэтому прогресс культуры может быть в значительной степени измерен тем, насколько культура способствует всестороннему (в том числе нравственному) развитию личности как носителя культуры, потребителя культуры, творца культуры и т. д.

Не может соответствовать этому критерию такое состояние общества, при котором под угрозой находится самая высшая ценность — человеческая жизнь. Эта угроза постоянно порождается системой беспощад-

¹⁷ «Материалы XXIV съезда КПСС». Госполитиздат, М., 1971, стр. 84.

ной эксплуатации человека человеком, культом насилия над личностью, разрушительными войнами.

Многие современные социологи, изучая влияние империалистической агрессии и, в частности, «грязной войны» США против Вьетнама на моральное состояние населения, зафиксировали связь между войной и культом насилия

Коммунистов нередко обвиняют в доктринерстве и фанатизме за то, что они-де, сделав себе фетиш из своей конечной цели, готовы прибегать к любым средствам для достижения ее. Едва ли стоит специально напоминать о том, что вожди революционного рабочего движения неоднократно выступали с критикой любых форм макиавеллизма и против попыток использовать якобы во имя революционных целей бесчестные средства. Принципиальная особенность марксистской позиции в данном вопросе такова, что в масштабах исторических движений и социальных действий цели и средства связаны между собой совершенно необходимо; из характера преследуемых целей вытекают вполне определенные средства, и, наоборот, по применяемым той или иной политической партией средствам можно судить о ее действительных целях. Маркс писал, что цель, для которой требуются неправомерные средства, не есть правая цель¹⁸. В этом отношении чаще всего бывает так, что именно прагматически ориентированная политика, руководствующаяся своекорыстными интересами, по самому своему существу неадекватная и близорукая, прибегает к аморальным средствам и методам.

Коммунистам издавна приписывали то моральный нигилизм, то мораль примитивного аскетизма. Нередко подобные взгляды на мораль проповедаются ныне от имени коммунизма различными политическими группами и их идеологами. Особенно усердствуют в этом отношении маоисты, в корне извращающие марксистско-ленинское учение о культуре и нравственности. Так называемая «культурная революция» на деле обернулась против прогрессивной культуры, против коммунистической идеологии и морали.

По учению Маркса и Ленина, коммунизм есть высшая фаза развития человеческой цивилизации и морали, и продвижение к нему совпадает с сохранением, утверждением и развитием во всемирном масштабе всего того положительного и ценного, что составляет историческое достояние человечества.

Теория и практика социалистического строительства не имеют ничего общего с той плоской и вульгарной схемой, которую порой приписывают марксизму его явные и тайные недоброжелатели, низводящие марксистскую теорию общественного развития до уровня «экономичезского» материализма. Утверждая, что коммунизм есть будто бы реализация сугубо экономической программы, не учитывающей потребностей духовного развития человечества, они искажают при этом реальное содержание процессов строительства социализма и коммунизма в нашей стране и других странах мировой социалистической системы, намеренно замалчивают огромную работу, проводимую коммунистическими партиями по поднятию культурного уровня широчайших масс населения, по воспитанию общественного сознания, по формированию в обществе высоких нравственных идеалов.

В своей деятельности, направленной на организацию и руководство духовной жизнью социалистического общества, Коммунистическая партия Советского Союза исходит из признания того, что без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы. Марксизм-ленинизм отвергает грубый, «казарменный» коммунизм не только в силу того, что

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 65.

последний увековечивает экономическую бедность общества, но также и потому, что он идеализирует духовную нищету, игнорирует необходимость повышения культурного уровня масс, их приобщения к ценностям мировой культуры. Критику антигуманизма и аморализма современной буржуазной цивилизации «левый» ревизионизм нередко использует для отрицания культурных достижений человечества, тех подлинных духовных ценностей, которые связаны с капиталистическим этапом истории. Этот культурный нигилизм в корне противоречит позиции революционного марксизма, для которого преодоление противоречивой формы взаимоотношения культуры и нравственности, сложившейся при капитализме, заключается не в движении вспять, не в увековечении культурной отсталости, а в переходе на качественно более высокий уровень развития мировой цивилизации, на котором сохраняется все позитивное, что создано в процессе духовного развития человечества.

XXIV съезд КПСС подчеркнул, что формирование у трудящихся марксистско-ленинского мировоззрения, высоких идейно-политических качеств, норм коммунистической морали остается и впредь центральной задачей идеологической работы партийных организаций. Коммунистическая партия ставит своей программной задачей всемерное развитие советской культуры и коммунистической нравственности в их взаимосвязи.

История развития культуры советского общества представляет собой исторический пример осуществления тех необходимых объективных предпосылок, которые ведут к преодолению противоречивой формы культурного и нравственного прогресса человечества и к возникновению качественно нового состояния мировой цивилизации, характеризующегося ликвидацией экономической, социальной, политической, этнической и культурной разобщенности общества.

«В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры,— подчеркивал в связи с этим Л. И. Брежнев,— все заметнее становятся общие интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда»¹⁹.

Преодоление классовых противоречий, социальных и этнических барьеров, интернационализация культуры, снятие всех и всяческих форм отчуждения культурных ценностей от человека, будучи объективными характеристиками формирования коммунистической культуры, являются одновременно реальной гарантией ее нравственной и гуманистической значимости.

Иными словами, становление и развитие интернациональной культуры как органического сплава создаваемых всеми народами духовных ценностей, превращение широких масс из потребителей низкосортных духовных трафаретов буржуазной культуры, из объекта духовного манипулирования в непосредственных творцов культурного богатства общества, всестороннее развитие человека и обретение культурой глубокого, органически присущего ей нравственного и гуманистического смысла, преодоление противоречий между культурным и нравственным прогрессом общества — все это представляет собой важнейшую объективную закономерность социализма и коренной перелом в духовном развитии человечества.

¹⁹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, стр. 21.

Propriety of the Erich Fromm Document Center. For personal use only. Citation or publication of material prohibited without express written permission of the copyright holder.

Eigentum des Erich Fromm Dokumentationszentrums. Nutzung nur für persönliche Zwecke. Veröffentlichungen – auch von Teilen – bedürfen der schriftlichen Erlaubnis des Rechteinhabers.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

4

Культура и мораль

1973